

ОБРАЗ ПОЭТА И ПОЭЗИИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ РЕЛИГИОЗНОМ ЭПОСЕ: риторические приемы и поэтический язык

Н.Ю. Гвоздецкая

Аннотация. В статье анализируются риторические приемы и особенности древнеанглийского поэтического языка, используемые при создании образа поэта и поэзии в религиозном эпосе англосаксов. Поэт выступает и как передатчик древних преданий об «абсолютном» эпическом прошлом, с которым отождествляются события Священного Писания, излагаемые в поэтических переложениях Библии и латинских житий, и как наставник в христианской вере. Исконно германский эпический канон обнаруживается в употреблении формульных выражений, связанных с устной импровизацией, а латинская книжная традиция — в использовании темы Страшного суда и мотива бренности мира. Выявлена связь поэтической фразеологии эпизодов к четырем поэмам Кюневульфа («Судьбы апостолов», «Христос-II», «Юлиана», «Елена») с германской эпической темой изгнания в ее христианском осмыслении. Тема изгнания, которая в родовом и дружеском сообществе понималась как утрата земных благ, сливаясь с мотивом бренности мира, создавала дополнительные возможности для христианской проповеди в англосаксонской среде. Появление элегических нот в размышлениях поэта о своей судьбе показывает зарождение личного лирического чувства, отличного от коллективных ценностей героико-эпического мира.

Ключевые слова: древнеанглийский поэтический язык, религиозный эпос англосаксов, риторические приемы, образ поэта и поэзии, устная германская и письменная христианская традиции, Кюневульф.

Для цитирования: Гвоздецкая Н.Ю. Образ поэта и поэзии в древнеанглийском религиозном эпосе: риторические приемы и поэтический язык // Преподаватель XXI век. 2025. № 3. Часть 2. С. 432–441. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-432-441

© Гвоздецкая Н.Ю., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE IMAGE OF THE POET AND POETRY IN THE OLD ENGLISH RELIGIOUS EPIC: Rhetorical Techniques and Poetic Language

N.Yu. Gvozdetskaya

Abstract. *The article analyzes the rhetorical techniques and features of the Old English poetic language used to create the image of the poet and poetry in the religious epic of the Anglo-Saxons. The poet acts both as a transmitter of ancient legends about the 'absolute' epic past, with which the events of the Scriptures, set out in poetic paraphrases of the Bible and Latin hagiographies, are identified, and as a mentor in the Christian faith. The original Germanic epic canon is revealed in the use of formulaic expressions associated with oral improvisation, while the Latin book tradition can be seen in the use of the theme of the Last Judgment as well as the motif of the frailty of the world. The connection between the poetic diction of the epilogues to four poems by Cynewulf ('The Fates of the Apostles', 'Christ II', 'Juliana', 'Elene') with the Germanic epic theme of exile in its Christian interpretation is discovered. The theme of exile, which in the clan and warrior community was understood as a loss of earthly goods, merging with the motif of the frailty of the world, created additional opportunities for Christian preaching in the Anglo-Saxon environment. The appearance of elegiac notes in the poet's reflections on his fate shows the emergence of a personal lyrical feeling, distinct from the collective values of the heroic-epic world.*

Keywords: *Old English poetic language, Anglo-Saxon religious epic, rhetorical techniques, the image of the poet and poetry, oral Germanic and written Christian tradition, Cynewulf.*

Cite as: Gvozdetskaya N.Yu. The Image of the Poet and Poetry in the Old English Religious Epic: Rhetorical Techniques and Poetic Language. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2025, No. 3, part 2, pp. 432–441. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-432-441

Введение

433

Древнеанглийский религиозный эпос, сохранившийся в рукописях конца X в., складывался, начиная с VII в. (после крещения Англии в 597 г.), в виде переложений латинских христианских источников (Библии и агиографии)¹, но вобрал в себя приемы унаследованного германского устно-эпического творчества — аллитерационное стихосложение, поэтическую фразеологию и образность, которые в языческие времена применялись для прославления предков. Иноземные сюжеты адаптировались к местной поэтической традиции через применение эпических тем и мотивов, а их герои нередко представляли в образе германских вождей. Так, уже первый религиозный поэт по имени Кэдмон (вторая половина VII в.), известный из «Церковной истории народа англос» Беда Достопочтенного (Baeda Venerabilis, *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, IV, 24), восхваляет Бога-Творца в своем «Гимне» посредством стереотипных (формульных) выражений, обозначавших светских правителей².

¹ Подробнее о древнеанглийских поэтических переложениях библейских сюжетов см.: [1].

² Ср.: «Только 3 из 18 кратких строк Гимна не имеют формульных соответствий в известном корпусе древнеанглийской поэзии» [2, с. 315]. Интерпретацию Кэдмона как устного певца-сказителя попытался обосновать Ф. Мэгун [3].

А Кюневульф, второй известный по имени англосаксонский поэт (конец VIII — начало IX в.)³, в лирико-дидактических концовках четырех поэм — ‘Elene’ («Елена»), ‘Juliana’ («Юлиана»), ‘Christ-II’ («Христос-II»), ‘Fates of the Apostles’ («Судьбы апостолов») «зашифровал» свое имя рунами — знаками, прежде применявшимися в германских языческих культурах, но некоторое время бытовавших и в христианскую эпоху в связи с особым воздействием на читателя. Тем не менее задачей монастырских поэтов было не просто популяризировать христианскую литературу, сделав ее доступной и привлекательной, но научить паству основам христианской веры. Отсюда своеобразное «двоение» образа самого поэта и его представлений о сути поэтического творчества. С одной стороны, поэт — это передатчик древних преданий, свидетельствующий об их истинности; с другой стороны, поэт — это наставник, который сочувствует своим слушателям и читателям в их земных тревогах, но предостерегает от греха и показывает, что смысл человеческой жизни не в земном процветании, а в спасении души.

Анализ риторических приемов и поэтического языка

Первая функция поэта, укоренившаяся в устной традиции, наиболее заметна в зачинах некоторых поэм, построенных по типу зачинов устного эпоса. Ср.: *Hwæt, we feorond neah / gefrigen habbað* (Exodus, 1) — *Вот, мы отовсюду узнали*; *Hwæt, we gefrunan / on fyrndagum* (Andreas, 1) — *Вот, мы узнали в давние дни*; *Hwæt, we ðæt hyrdon / hæleð eahtian* (Juliana, 1) — *Вот мы услышали, / что мужи сказывали*⁴. Поэтическое творчество представлено здесь не как собственное новаторское сочинение, а как воспроизведение преданий, восходящих к древним временам или пришедших издалека. Тем самым создается та эпическая дистанция, которая придает особую ценность рассказываемому, помещает его на недостижимый для аудитории уровень. При этом глагол *hyran* — *слышать* указывает на связь с устной традицией, хотя, разумеется, источниками религиозных поэм служили письменные произведения. Особенно заметна опора на устную героико-эпическую традицию в зачине поэмы «Судьбы апостолов»:

Hwæt! Ic þysne sang / siðgeomor fand / on seocum sefan, / samnode wide / hu þa æðelingas / ellen cyðdon, / torhte ond tireadige. / Twelfe wæron, / dædum domfæste, / dryhtne gecorene, / leofe on life. / Lof wide sprang, / miht ond mærdо, / ofer middangeard, / þeodnes þegna, / þrym unlytel (Fates of the Apostles, 1–8) —

Воистину, песнь я обрел [букв. «нашел»], / странствием утомленный, / духом печальный, / собрал отовсюду, / как благородные / явили отвагу, / славные и хвалы достойные. / Двенадцать их было, / деяньями славных, / Господом [букв. «господином»] избранных, / любимых при жизни. / Всюду шла молва / по миру срединному / о силе и доблести / слуг Господних, / великого воинства.

Поэт не сочиняет, а «находит» песнь, складывает слова, «собирая» их отовсюду (*wide* букв. «широко»); ссылка на «странствия» (*sið* букв. «путь») сближает его с главным героем поэмы «Видсид» (имя *Widsið* значит «широкостранствующий»),

³ В целом же древнеанглийская аллитерационная поэзия анонимна — отчасти потому, что сохраняла связь с приемами устного сказительства даже после перехода на пергамент.

⁴ Здесь и далее древнеанглийский текст цитируется по: [4] — с указанием названия памятника и номеров поэтических строк. Перевод наш, если не указано иначе. — Н.Г. ‘Exodus’ («Исход») — это поэма на ветхозаветный сюжет, принадлежащая «школе Кэдмона»; поэма ‘Andreas’ («Андрей») повествует о приключениях апостола Андрея в стране людоедов, а поэма ‘Juliana’ («Юлиана») — о христианской мученице..

путешествующим от одного правителя к другому, чтобы предложить свой песенный репертуар. Апостолы, которые несли по миру евангельскую весть, представлены как военная дружина (*beodnes þegna, þrym unlytel*), о чьей силе и доблести «повсюду шла молва» (*Lof wide sprang*) так же, как шла молва о подвигах древнего драконборца Сигмунда, которого воспевают дружинный сказитель в поэме «Беовульф», самом крупном образце англосаксонского героического эпоса: *Sigemunde gesprong / æfter deaðdæge / dom unlytel* (Beowulf, 884b–885) — о Сигемунде разошлась / после смерти / молва немалая.

Поэт «Судеб апостолов» близок Видсиду также в плане «элегического» настроения (ср.: *on seocum sefan* «духом печальный»⁵). В «Видсиде» сказитель говорит о себе так: *Жил я в державах / чужих подолгу, / обошел я немало / земель обширных, / разлученный с отчизной, / зло встречал и благо / я, сирота, скитаясь* (Видсид, 50–53) [5, с. 17]⁶. Однако эта черта выводит его фигуру за пределы собственно эпической поэзии и сближает с фигурой нарратора в «героических элегиях» ('The Seafarer' «Морестранник», 'The Wanderer' «Скиталец»), который тоже жалуется на потери и разлуку с родными и друзьями⁷. Образ страдающего поэта в древнеанглийской лирике может иметь двоякое происхождение. Так, Дж. Харрис возводит древнеанглийские и древнеисландские героические элегии к жанру «общегерманской героической элегии» (Common Germanic heroic elegy), сложившейся на основе погребальных плачей и поминальных песней [6]. Здесь причина печали — земные утраты. Вместе с тем в эпоху христианизации Англии этот частный мотив утраты оказался расширен и переосмыслен под влиянием другого мотива, пришедшего из позднеантичной литературы и получившего христианскую трактовку — мотива 'ubi sunt', быстротечности земной жизни. Так, элегические мотивы в «Беовульфе» имеют конкретные поводы даже в том случае, если их актанты не названы по имени: последний оставшийся в живых оплакивает гибель своего племени, неизвестный старец горюет о повешенном сыне. Однако утрата элементов дружинной жизни, связанная с потерей сородичей, перерастает в картину всеобщего запустения, и сами эти элементы становятся символом гибели героического мира, ср.: *Не слышно арфы, / не вьется сокол / в высоком зале, / и на дворе / не топчут кони, — / все похитила, / всех истратила / смертная пагуба!*;

*...войдет ли рыдающий / в покои отрока — / там запустенье, / гуляет ветер / в безрадостном зале, — / уснул наездник, ратник в могиле!*⁸ — / умолкли арфы, / и прежних пиршеств / не будет больше! (Беовульф, 2262–2265; 2454–3000) [5, с. 165–166]. Печаль об утрате переходит в размышление о бренности мира, хотя христианская трактовка этого мотива в «Беовульфе» отсутствует.

Иное видим в поэмах «Скиталец» и «Морестранник». В обеих поэт-нарратор предстает в образе одинокого изгнанника, горящего об утрате пиров

⁵ Прилагательное *seoc* (совр. англ. *sick*) может относиться не только к физическому, но и к душевному недомоганию.

⁶ Здесь и далее художественный перевод малых памятников древнеанглийской поэзии и «Беовульфа» принадлежит В. Тихомирову и цитируется с указанием названия поэмы и номеров поэтических строк по: [5].

⁷ «Героические элегии» обязаны своим названием содержательной стороне: их герой принадлежит дружинному миру, но оказывается в нетипичной для дружинника ситуации, потеряв вождя и соратников. О жанровых особенностях древнеанглийской поэзии см.: [7; 8].

⁸ В оригинале здесь и существительное, и глагол стоят во множественном числе — смерть одного влечет за собой гибель многих.

и битв, соратников и вождя; в обоих морское плавание — это, с одной стороны, метафора «житейского моря» с его невзгодами, с другой — путь души, отвергающей земные блага, к Богу; ср.: *Мысля об этом мире, / не умею постигнуть, / почему от печали / мой не мрочится разум* (Скиталец, 58–59) [5, с. 74] и *Ведь только Господним / я дорожу блаженством, / а не жизнью мертвой, / здесь проходящей* (Морестранник, 64–66) [там же, с. 68]. В обоих поэмах появляются те же детали дружинного быта, что и в «Беовульфе» (кони и всадники, пиры и ратники), но сетования на их утрату завершаются картиной всеобщего упадка и наставлениями в христианской вере: *Всю страну земную / не минует погибель! <...> Добро тому, кто взыскует / помощи Господней на небе* (Скиталец, 110, 114–115) [там же, с. 77–78] и *Уже не стало / на земле величья. <...> Не в золоте спасение / от грозы Господней. <...> Блажен, кто в жизни кроток, — / стяжает милость Божию* (Морестранник, 80–81, 101, 107) [там же, с. 69–70].

Интересно, что при всем различии смысловых акцентов в элегических отрывках из «Беовульфа» и в героических элегиях (сетования на утрату героического прошлого, с одной стороны, и его отвержение ради жизни вечной — с другой) сами продукты словесного творчества обозначаются одними и теми же фразами, восходящими к устной героико-эпической традиции, ср.: *soðgied wrecan* (The Seafarer, 1), *Bonne he gyd wrece, / sarigne sang* (Beowulf, 2446b–2447a). Речь «последнего выжившего» обозначена почти теми же словами, что и прославление Беовульфа: *Swa giomormod / giohðo mænde* (там же, 2267) и *Ðær wæs Beowulfes / mærdō mæned* (там же, 856b–857a). Также и в поэме «Андрей» (где первозванный апостол наделен чертами германского вождя) нарратор представляет свой рассказ в терминах устного героико-эпического творчества, так что его образ сближается с образом сказителя, который в поэме «Беовульф» поет о подвигах древнего героя Сигмунда. Придворный сказитель описывается в «Беовульфе» как *памятливый на песни, / который без счета / старых преданий / множество помнил* (*giddagemyndig, / se þe ealfela / ealdgesegena / worn gemunde* (там же, 868b–870b)). Почти в тех же словах говорит о себе поэт из поэмы «Андрей»:

H<w>æt, ic hwile nu / haliges lare / leoðgiddinga, / lof þæs þe worhte, / wordum wemde... <...> Hwæðre git sceolon / lytlum sticcum / leoðworda dæl / furður reccan. / Ðæt is fyrnsægen, / hu he weorna feala / wita gedolode, / heardra hilda, / in þære hæðenan byrig (Andreas, 1478–1491) —

Вот, сейчас я преданье / о святом, / песнопенья, / похвалу его трудам / возвестил словами... <...> И все же должны [мы], / мало-помалу, / словами песни / рассказ продолжить. / То сказанья древние [о том], / сколько он невзгод / и мук претерпел, / битв суровых / в том языческом граде.

Обращает на себя внимание в этом отрывке и восклицание *H<w>æt* букв. «что ж!» как средство привлечь внимание слушателей, и множественное число глагола — все это приметы древней устной традиции, ср.: *Hwæt, we Gar-Dena / in geardagum, / þeodcyniga / þrym gefrunon* (Beowulf, 1–2) — *Вот, мы копейных [воинственных] данов / в давние дни, / великих конунгов / славу узнали*. Причем содержание своего произведения поэт «Андрея» тоже якобы черпает из «древних сказаний» (*fyrnsægen*), как и сказитель в «Беовульфе» (*ealdgesegena*), хотя на самом деле его источник — это письменный христианский апокриф, сохранившийся на греческом и латинском языках [9, с. 4–7; 10, с. 225–242]. Примечательно также, что «предание

о святом» (haliges lare), полученное в форме прозаического повествования, приравнено к «песнопениям» (leodgiddinga), и это также след дописьменной эпохи, когда почти всякая социально значимая информация могла принимать поэтическую форму. Так, даже мудрец Иуда, знаток древнееврейской письменной культуры, представлен в поэме «Елена» как *fyrngydda frod* (Elene, 542a), *умудренный в древних песнях*, поскольку владеет знаниями о прошлом.

Обратимся теперь ко второй стороне древнеанглийского религиозного эпоса и образа поэта в нем, а именно к тому, что связывает его с дидактической христианской литературой поздней античности/раннего средневековья и что наиболее ярко проявилось в концовках четырех указанных выше поэм Кюневульфа.

Все концовки касаются быстротечности земной жизни и Страшного суда. Поэт, чье прямое обращение к аудитории обозначено местоимениями первого и второго лица, выступает в них и как человек, опасющийся за свою загробную участь, и как учитель христианских истин. Вернемся к поэме «Судьбы апостолов». Ее концовка (Fates of the Apostles, 88–122) представляет собой рамочную конструкцию с тройным повтором, а центральную часть составляет рассуждение о бренности мира и посмертном воздаянии:

F [feoh] þær on ende standað, / eorlas þæs on eorðan brucaþ. / Ne moton hie awa ætsomne, woruld-wunigende; / *W* [wynn] sceal gedreosan, / *U* [ur] on eðle, / æfter tohweorfan / læne lices frætewa, / efne swa *L* [lagu] toglideð. / *Bonne C* [cene] ond *Y* [yfel] / cræftes neotað / nihtes nearowe, / on him *N* [nyd] ligeð, cyninges þeodom (там же, 98b–105a) —

Богатство [Feoh] стоит в конце, / на земле ему знатные рады, / но не могут вечно / пребывать в этом мире. / Поникнет **радость** [Wynn] / **наша** [Ure] в отечестве, / прочь отойдет / тленной плоти краса, / как текущие **воды** [Lagu]. / Тут и **храбрый** [Cene], и **злой** [Yfel] / **возжаждут** помощи / в теснинах ночи, / **нужда** [Nyd] на них **ляжет** — / служение Конунгу⁹.

Обозначая отдельные слова рунами, поэт включает свое имя в текст так, что оно становится чем-то вроде «узелка на память», напоминающего о скоротечности земных радостей и неизбежности ответа на Страшном суде. Однако буквы имени CYNWULF расположены в произвольном порядке, и поэт обрамляет этот пассаж призывами к читателю, если тому понравилось его сочинение, разгадать имя, ср.:

Her mæg findan / forþances gleaw, / se ðe hine lysteð / leodgiddunga, / hwa þas fitte fegde. <...> Nu ðu cunnan miht / hwa on þam wordum / wæs werum oncyðig (там же, 96–98a, 105b–106) —

Может понять [пусть поймет] здесь / разумом умудренный, / коему нравятся / песнопенья, / кто этот стих сложил. <...> Ныне ты можешь понять, / кто в сих словах / был людям явлен.

Следующую рамку образуют тема изгнания и мотив утраты, которые рисуют смерть как разлуку обреченного на уничтожение тела и души, отправляющейся в загробный мир:

Hu, ic freonda beþearf / liðra on lade, / þonne ic sceal langian ham; / eardwic uncuð, / ana gesece, / læt me on laste / lic, eorðan dæl, / wælreaf wunigean / weormum to hroðre <...>

⁹ Заглавные латинские буквы в древнеанглийском тексте замещают используемые в рукописи рунические знаки, чьи имена даны в квадратных скобках. Курсивом выделены в переводе русские эквиваленты древнеанглийских слов. Имя CYNWULF прочитывается при изменении порядка следования знаков.

Ic sceall feor heonan, / an elles forþ, / eardes neosan, / sið asettan, / nat ic sylfa hwær, / of þisse worulde. / Wic sindon uncuð, / eard ond eðel, / swa bið ælcum men / nempe he godcundes / gastes bruce (Fates of the Apostles, 91b–95, 109b–114) —

Вездь я без друзей, / без спутников милых, / в обитель дальнюю, / страну неведомую / один отправлюсь, / покину тело, / земли удел, / оставлю труп мой / червям на радость. <...> Я же буду отсюда далеко, / в одиночестве / искать пристанища, / в путь отправлюсь, / сам не знаю куда, / прочь от этого мира, / ибо неведомы мне те места, / страна и отечество. / И будет так с каждым, / доколе не обретет он / Духа божественного.

Последнюю, внешнюю рамку составляет призыв к молитве. Сначала поэт обращается к своим читателям, чтобы те помолились апостолам о спасении его души, а затем призывает к совместной молитве Богу:

Nu ic þonne bidde / beorn se ðe lufige / þysses giddes begang / þæt he geomrum me / þone halgan heap / helpe bidde / friðes ond fultomes. <...> Ah utu we þe geornor / to gode cleorigan... etc. (там же, 88–91a, 115–122) —

Ныне прошу я того, / кому полюбилось / сей речи теченье, / чтоб он мне, убогому, / у святой этой рати / испросил поддержки, / мира и помощи. <...> Так давайте же ревностно к Богу взывать... и т.д.

Стройная композиция данной концовки служит утверждению читателя в истинах веры и одновременно через использование традиционных тем и мотивов создает образ поэта как кающегося грешника и ревностного проповедника. Те же самые риторические приемы, хотя и с разными акцентами, присутствуют и в остальных трех концовках поэм Кюневульфа. В поэме «Юлиана», посвященной кончине девы-мученицы, поэт вначале сам обращается к святой, чтобы та оказала ему поддержку, когда его «душа из тела отправится в путь» (*Min sceal of lice / sawul on siðfæt; Juliana 699b–700a*), а завершает поэму мольбой к читателю и призывом к совместной молитве (там же, 718b–731). Тема бренности мира сведена к минимуму: *Скорбя, уходит / род [человеческий] (Geomor hweorfeð / C Y ond N; там же, 703b–704a)¹⁰*, но расширена тема Страшного суда и мотив покаяния (там же, 704b–711a).

438

В концовке второй части поэмы «Христос» еще более детально развита тема Страшного суда с мотивами покаяния и возмездия. Вначале, говоря о страхе возмездия, поэт выступает в роли грешника, который нарушил заповеди Священного Писания (Christ II, 785b–796), а затем — после пассажа с его именем, где мимолетность земных радостей подчеркивается последующим наказанием (там же, 796–807a), — в роли наставника, который учит воздерживаться от греха (там же, 815ff.). Эта двойная роль, по-видимому, одновременно и создавала особую близость поэта с аудиторией, и сообщала его речи действенную силу.

В эпилоге «Елены» (эта поэма повествует об обретении Креста Господня матерью императора Константина) все упомянутые темы и мотивы получают наиболее яркое воплощение, особенно описание бренности мира с картинами природных катастроф (Elene, 1265–1277). В пассаже, включающем имя Кюневульфа (там же, 1256b–1270a), герой на пиру представлен как «гаснущий факел», чьи недолговечные радости утекут, как вода; более половины эпилога занимает описание Страшного суда. Поэта здесь уже никак нельзя отождествить с эпическим сказителем, ибо

¹⁰ Три первые буквы имени поэта складываются здесь в одно слово *суп* «род».

с самого начала в его рассказе появляются личные ноты (этому новому образу отвечает и новшество в поэтической форме — здесь наряду с аллитерацией в оригинале появляется рифма):

Стал я стар и устал, / смертный час мой настал, / в хоромине тесной¹¹ / тку узор словесный, / ночи коротаю, / мысли сплетаю; / не имел я ранее / на Крест упования, / в неволе прозябал, / истины не знал; / теперь я душою прозрел, / премудрости внял, / высок мой удел — / впервые познал, / запятнан делами, / запечатан грехами, / печалью уязвлён, / недугом удручен; / но возложил Свое / легкое бремя, / старцу отрадную / подал благодать / Велий Господь, / отдал Свою плоть, / Свет даровал, / Путь указал, / узы плоти снял, / гласу сердца внял, / дар речи вложил, / и песнь я сложил / миру на радость / о славном Древе» (Elene, 1236–1251)¹².

Евангельские аллюзии в этом пассаже особенно ясно указывают на монастырского писателя, который в своей келье «плетет словеса», наставляющие людей к спасению души. И вместе с тем здесь заметно личное отношение поэта к творчеству, отличающее его от сказителя.

Заключение

Древнеанглийский религиозный эпос, соединивший в себе два разных канона поэтического искусства (исконно-германскую устно-эпическую традицию и книжную традицию позднеантичной христианской письменности) отображает и два разных образа поэта и поэзии, что, однако, не нарушает художественной цельности поэм. Сопоставление религиозного эпоса с «Беовульфом» и героическими элегиями показывает, что словесные отсылки к устной героико-эпической традиции не мешали англосаксонским авторам ни переосмысливать содержание исконной поэзии в новом направлении, ни использовать переложения латинских источников для наставления в вере. Монастырский поэт, владевший приемами устных сказителей, помогал пастве осваивать новые сюжеты, вводя их в привычный круг тем и мотивов, которые делали его рассказ более убедительным и эстетически привлекательным. Тема изгнания, которая в родовом и дружинном сообществе понималась как отторжение от земных благ, сливаясь с мотивом бренности мира, открывала дополнительные возможности для христианской проповеди в англосаксонской среде. Поэт, мысливший себя как «изгнанник», был способен стать передатчиком новых истин (в том числе о Страшном суде и посмертном воздаянии), а его ощущение себя как грешника делало его отношения с аудиторией более доверительными и создавало предпосылки для перехода к новой роли — поэта-наставника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яценко М.В. Древнеанглийский христианский эпос: проблемы жанра поэм Кодекса Юниуса: дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский городской педагогический университет, 2021. 557 с.

¹¹ В оригинале *þurh þæt fæcne hus* «в этом ненадежном доме». Возможно истолкование — «в бренном (смертном) теле».

¹² Данный отрывок цитируется в художественном переводе Н.Ю. Гвоздецкой, Е.Н. Клёминой с указанием названия поэмы и номеров поэтических строк по: [11, с. 160].

2. *Смирницкая О.А.* Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Браги // *Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича.* М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 297–317.
3. *Magoun Fr.P.* The oral-formulaic character of Anglo-Saxon narrative poetry // *Speculum.* 1953. Vol. 28. P. 446–457.
4. *Foys Martin, et al. (eds.).* Old English Poetry in Facsimile 2.0 (Center for the History of Print and Digital Culture, University of Wisconsin-Madison, 2019–). URL: <https://oe-poetryfacsimile.org> (дата обращения: 01.06.2025).
5. *Древнеанглийская поэзия / издание подготовили О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров.* М.: Наука, 1982. 320 с.
6. *Harris Joseph.* Elegy in Old English and Old Norse. A problem in literary history // *The Old English Elegies: New Essays on Criticism and Research / Ed. by Martin Green.* TNJ: Farleigh Dickinson University Press, 1983. P. 46–56.
7. *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // *Древнеанглийская поэзия / издание подготовили О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров.* М.: Наука, 1982. С. 171–232.
8. *Мельникова Е.А.* Меч и лира. Героический мир англосаксонского эпоса. СПб.: Наука, 2018. 355 с.
9. *North R., Bintley M.* Introduction // *Andreas. An Edition.* Ed. by R. North, M. Bintley. Liverpool: Liverpool University Press, 2016. P. 1–115.
10. *Виноградов А.Ю.* Деяния Андрея и их судьба // *Деяния апостола Андрея / предисловие, перевод и комментарии А.Ю. Виноградова.* М.: Индрик, 2003. С. 225–242.
11. *Кюневульф.* Поэма «Елена». Фрагмент: гл. 11–15 (пер. с древнеангл. и коммент. Н.Ю. Гвоздецкой, Е.Н. Клёминой) // *Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2015. № 7. С. 149–162.

REFERENCES

1. *Yatsenko M.V.* *Drevneanglijskij hristianskij epos: problemy zhanra poem Kodeksa Juniusa* [Old English Christian Epic: Problems of the Genre of the Poems of the Codex Junius]: PhD Dissertation (Philology). Moscow, Moscow City Pedagogical University, 2021, 557 p. (in Russ.)
2. *Smirnitckaya O.A.* Dva predanija o pervyh poetah: Caedmon i Bragi [Two Legends about the First Poets: Caedmon and Bragi]. In: *Drugie srednie veka. K 75-letiju A.Ja. Gurevicha* [Other Middle Ages. On the 75th Anniversary of A.Ja. Gurevich]. Moscow; St. Petersburg, Universitetskaja kniga, 2000, pp. 297–317. (in Russ.)
3. *Magoun Fr.P.* The oral-formulaic character of Anglo-Saxon narrative poetry, *Speculum*, 1953, vol. 28, pp. 446–457.
4. *Foys Martin, et al. (eds.).* Old English Poetry in Facsimile 2.0 (Center for the History of Print and Digital Culture, University of Wisconsin-Madison, 2019–). Available at: <https://oe-poetryfacsimile.org> (accessed: 01.06.2025).
5. *Drevneanglijskaja poezija / Izdanie podgotovili O.A. Smirnitckaya, V.G. Tikhomirov* [Old English Poetry, ed. by O.A. Smirnitckaya, V.G. Tikhomirov]. Moscow, Nauka, 1982, 320 p. (in Russ.)
6. *Harris Joseph.* Elegy in Old English and Old Norse. A problem in literary history. In: *The Old English Elegies: New Essays on Criticism and Research*, ed. by Martin Green, TNJ, Farleigh Dickinson University Press, 1983, pp. 46–56.

7. Smirnitskaja O.A. Poeticheskoe iskusstvo anglosaksov [Poetic art of the Anglo-Saxons]. In: *Drevneanglijskaja poezija. Izdanie podgotovili O.A. Smirnitskaja, V.G. Tikhomirov* [Old English Poetry, ed. by O.A. Smirnitskaja, V.G. Tikhomirov]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 171–232. (in Russ.)
8. Melnikova E.A. *Mech i lira. Geroicheskij mir anglosaksonskogo eposa* [Sword and Lyre. The Heroic World of Anglo-Saxon Epic]. St. Petersburg, Nauka, 2018, 355 p. (in Russ.)
9. North R., Bintley M. Introduction. In: *Andreas. An Edition*, ed. by R. North, M. Bintley. Liverpool, Liverpool University Press, 2016, pp. 1–115.
10. Vinogradov A.Ju. Dejanija Andreja i ih sudba [The Acts of Andrew and their fate]. In: *Dejanija apostola Andreja. Predislovie, perevod i komentarii A.Ju. Vinogradova* [The Acts of the Apostle Andrew. Preface, translation and comments by A.Ju. Vinogradov]. Moscow, Indrik, 2003, pp. 225–242. (in Russ.)
11. Cynewulf. Poema “Elena”. Fragment: glavy 11–15 (per. s drevneangl. i komment. N.Ju. Gvozdetskoj, E.N. Kleminoj) [Poem ‘Elene’. Fragment: chapters 11–15 (translated from Old English and commented by N.Ju. Gvozdetskaja, E.N. Klemina)]. *Cursor Mundi. Chelovek Antichnosti, Srednevekovja i Vozrozhdenija* = *Cursor Mundi. Man of Antiquity, the Middle Ages and the Renaissance*, 2015, No. 7, pp. 149–162. (in Russ.)

Гвоздецкая Наталья Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет; профессор, Сретенская духовная академия, ngvozd@yandex.ru

Natalia Yu. Gvozdetskaya, ScD in Philology, Full Professor, Head, English Philology Department, Russian State University for the Humanities; Full Professor, Sretensky Theological Academy, ngvozd@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2025. Принята к публикации 01.09.2025

The paper was submitted 10.06.2025. Accepted for publication 01.09.2025